

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.72.74.021>
УДК 340.12

ТЕОРИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Самушкин Н.Д.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. В настоящей работе исследована проблема отражения в теории прав человека тенденций, обусловленных новой технологической революцией, особенность которой заключается в формировании качественно нового пространства социальных взаимодействий, получившего название киберпространства. В связи с этим, существенным образом меняются многие социальные институты, в частности, правовые. В работе указано на формирование нового вида субъективных прав человека, получивших наименование информационных, или цифровых, прав. Из проведенного анализа позиций отечественных и зарубежных правоведов следует, что сформированный к настоящему времени комплекс субъективных информационных прав отражает тенденции качественной трансформации социальной реальности и требование обеспечения соответствующего уровня гарантирования и защиты основополагающих прав человека, имеющих как естественно-правовую, так и социально-экономическую природу, особенно, в условиях появления и внедрения новых технологий.

Ключевые слова: технологическая революция, теория прав человека, информационные (цифровые) права, гарантирование и защита прав человека.

HUMAN RIGHTS THEORY: NEW CHALLENGES UNDER THE TECHNOLOGICAL REVOLUTION

Nikita D. Samushkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract. This paper examines the problem of reflecting in the theory of human rights trends caused by the new technological revolution, the peculiarity of which is the formation of a qualitatively new space of social interactions, called cyberspace. In this regard, many social institutions, in particular legal ones, change significantly. From the analysis of the positions of domestic and foreign legal scholars, it follows that the complex of subjective information rights formed to date reflects trends in the qualitative transformation of social reality and the requirement to ensure an appropriate level of guarantee and protection of fundamental human rights, having both a natural legal and socio-economic nature, especially in the context of the emergence and implementation of new technologies.

Key words: technological revolution, theory of human rights, information (digital) rights, guaranteeing and protecting human rights.

Введение. Всеобъемлющая цифровизация, формирование информационного общества вызвало изменение привычного уклада жизни. В этой связи, наблюдается децентрализация привычной нам иерархии отношений, выстраивание совершенно новых, независимых сетей взаимодействия членов общества, которые с трудом поддаются государственному контролю и в этой связи государство сталкивается с серьезными вызовами, которые могут стать рисками для его авторитета и монополии на публичную власть.

Обсуждение. Конкуренция «цифрового» и «аналогового» пространств влечет риски снижения установившегося авторитета публично-властных институтов и права как ведущего социального регулятора, исходящего от государства. В силу этого, по замечанию профессора В.Н. Синюкова, «право в традиционном разделении не дает надежной юридической защиты отношениям человека в мире новых технологий и уже сейчас замещается неправовыми регуляторами» [1, С. 11].

Исходя из указанных причин, право трансформируется в целом, и в объективном, и в субъективном смысле. Системным выражением

субъективного права является теория прав человека, активно развиваемая правоведами на протяжении последних двух столетий.

Сформулированные Карелом Васеком три поколения прав человека нашли международно-правовую защиту и механизм гарантирования практически в любом государстве земного шара.

Однако в современном правовом дискурсе обсуждается проблема рисков соблюдения прав человека, в частности социально-трудовых, в условиях цифровизации. Например, профессор Э.В. Талапина подчеркивает, что алгоритмы и иные технологии могут оказывать двойственное влияние на одни и те же отношения: например, в законодательстве Европейского Союза допускается сбор информации расового и этнического характера во избежание дискриминации данных социальных групп. В то же время, отмечается, что такие данные свободно могут использоваться в дискриминационных целях [2, с. 80].

Ключевой риск в данном аспекте заключается в том, что алгоритмы искусственного интеллекта построены на повторении и записи человеческих решений. Иными словами, если компьютер запрограммирован на основе дискриминационных данных, то и последующая деятельность информационной системы будет построена на дискриминационных основаниях.

Одним из решений правовед предлагает сформировать систему правового регулирования отношений в сфере создания алгоритмов по обработке информации в целях нивелирования дискриминационных рисков.

Таким образом, на основе синтеза технико-социального регулирования необходимо сформулировать рамки должного поведения субъекта, которые не ограничивались бы исключительно внешней стороной, как того подразумевает классическая правовая форма, но и содержательно, внутренне регламентировать процесс алгоритмизации.

В этой связи, необходимо подчеркнуть, что на современном этапе цифровизация выступает исключительно технологией, средством и способом достижения цели, при том что цель определяется носителем естественного интеллекта – человеком.

Еще в первой половине XX столетия великий русский философ Н.А. Бердяев предупреждал, что «вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры» [3, с. 147]. Решающая роль техники в жизни человека деформировала существо общественных отношений, позволила говорить не об отношении человека к

технике, а взаимоотношении человека и техники, как будто последняя обрела субъектность.

Вследствие этого, техника стала своего рода «экзаменом» для человека на пути к сохранению своей сущности и культуры. Сохранение человеческой культуры осложняется еще и тем, что технологии интенсифицируют динамику социальных связей, подвигают индивида к постоянному развитию, «поспеванию за временем».

В данном контексте, Л. Мамфорд отмечал, что «в современном мире техника все больше претендует на главную роль в жизни человека, порождая состояние стремительного динамизма, навязывая необходимость постоянного технического обновления, усиливая зависимость человека до такой степени, что он теряет власть над собственной жизнью» [4, с. 67].

Американские правоведы Молли К. Лэнд и Джей Д. Аронсон указывают на пробелы как в национальном, так и в международном праве, возникающие в силу появления новых технологий. Так, авторы отмечают, что «государственные органы обходят законодательные запреты в отношении нарушения частной жизни граждан, делегируя эту «функцию» частным фирмам (например, когда иностранные социальные сети или хостинги блокируют аккаунты пользователей в связи с нарушением внутренних правил пользования платформой» [5, р. 236].

Устранение потенциального вреда новых технологий также требует от государства серьезного отношения к правоохранительной деятельности. Например, законодатель может установить требование, чтобы частные компании институционализировали практику оценки воздействия технологий, а также сами контролировали эти процессы, а государство должно не только содействовать инновациям и доступу к технологиям, но и осуществлять политику в сфере инноваций таким образом, чтобы не препятствовать при этом соблюдению прав человека.

По мнению профессора А.В. Корнева, оценка рисков должна быть интегрирована в системы технологического развития таким образом, чтобы риски для прав человека можно было заблаговременно нивелировать [6, с. 11].

Результаты. Глобальное следствие научно-технологического развития на данный момент представляется ясным и не подвергающимся сомнению: поскольку технический прогресс всегда был вызван стремлением перейти на более высокую ступень развития, то в последнее столетие технологические новшества привели к возможности «перекладывать» на плечи машин не только

часть манипуляций, совершаемых ранее физическим трудом, но и бремя ответственности за совершаемые человеком действия: «скрываясь» за бездушную машину, человек обезличивает себя, а значит, избавляет себя от чувства ответственности за персональные поступки в мире обезличенных технологий.

Реакция права на технологические трансформации последнего времени, получившим наименование цифровой революции, отразилась в появлении нового вида субъективных прав – информационных прав, которые заключаются в обеспечении идентичности и анонимности личности в телекоммуникационных связях. Разумеется, природа таких прав имеет отношение к общим гражданским правам, среди них, например, неприкосновенность частной жизни.

Также, в юридической науке обоснована позиция, согласно которой информационные права выступают лишь дополнением к уже выработанной классификации прав, средством гарантирования и реализации личных, гражданских, социально-экономических и иных видов прав [7, с. 21].

Однако по замечанию А.В. Туликова, в цифровой среде информационные права приобретают особое значение и имеют особую форму. Так, право на анонимность может быть обеспечено при использовании надлежащих технических средств, противодействующих неправомерному доступу [7, с. 127-128].

Помимо указанного права на анонимность, исследователи выделяют право на информационное самоопределение (право человека самостоятельно решать, когда и в каких пределах его персональные данные могут быть раскрыты) [8, с. 24], право на забвение (право требовать от правообладателей поисковых систем удалить свои данные о себе из общего доступа) [7, с. 20].

Также, одним из внешних выражений цифровизации общественной жизни, формирования полноценного информационного общества стало придание информации фактического статуса товара; то есть, объекта гражданских прав. Аналогично тому, как в аграрном обществе основной товар – продукт сельского хозяйства, в ин-

дустриальном – промышленный товар, то в постиндустриальном и информационном обществе – это информация (исходя из смысла российского законодательства – сведения, сообщения и данные, представленные в любой форме).

В связи с необходимостью защиты субъективных прав, вопрос оборотоспособности информации также имеет высокую важность. Пределы использования информации ограничиваются набором цифровых прав личности, выражающих интерес в обеспечении должного уровня анонимности, идентичности или забвения (при желании субъекта, к которому относится данная информация).

Заключение. Современная технологическая революция, получившая наименование цифровой или Четвертой промышленной революции, внесла коррективы в форму и содержание многих сторон государственно-правовой реальности, в частности, в концепцию прав человека.

Цифровая форма повлияла не только на номенклатуру прав, появление новых групп, например, информационных прав, но и на содержание основных прав, выкристаллизованных в веках.

Алгоритмы и информационные системы, пронизывающие практически все стороны общественной жизни, неминуемо влекут трансформацию способов и приемов регулирования социальных практик.

В этой связи, право – не исключение. Наоборот, интеграция технических и социальных норм, частного и публичного компонентов, формирование межотраслевых и даже междисциплинарных подходов к формированию правового регулирования является адекватной реакцией права как ведущего социального регулятора на указанные нами технологические вызовы.

Информационные права в рассматриваемом контексте – это не столько обособленный комплекс субъективных прав, сколько способ обеспечения и реализации фундаментальных прав человека и средство гармоничного развития личности в условиях новой социальной реальности, существующей как в аналоговом, так и в цифровом пространстве.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer).

The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // *Lex Russica*. 2019. №9 (154). С. 9 – 18.
2. Талапина Э.В. Социальные права в условиях цифровизации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2021. №2. С. 76 – 83.
3. Бердяев Н.А. Человек и машина // *Вопросы философии*. 1989. № 2. С. 143-162.
4. Мамфорд Л. Миф машины // *Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования*. 1992. № 1. С. 60-81.
5. Land M.K., Aronson J.D. *Human Rights and Technology: New Challenges for Justice and Accountability* // *The Annual Review of Law and Social Science*. 2020. №16. Pp. 223-240.
6. Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. №16 (9). С. 11-20.
7. Туликов А.В. Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития: теоретико-правовой анализ: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Туликов Алексей Викторович; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики"]. – М., 2017. – 180 с.
8. Талапина Э.В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 5. С 24 – 43.

References:

1. Sinyukov V.N. *Digital law and problems of stage-by-stage transformation of the Russian legal system* // *Lex Russica*. 2019. № 9 (154). Pp. 9 - 18.
2. Talapina E.V. *Social rights in the context of digitalization* // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2021. № 2. Pp. 76 – 83.
3. Berdyayev N.A. *Man and machine* // *Questions of philosophy*. 1989. № 2. Pp. 143-162.
4. Mumford L. *The myth of the machine* // *Bulletin of Moscow State University. Ser. 12. Sociopolitical research*. 1992. № 1. P. 60-81.
5. Land M.K., Aronson J.D. *Human Rights and Technology: New Challenges for Justice and Accountability* // *The Annual Review of Law and Social Science*. 2020. №16. Pp. 223-240.
6. Kornev A.V. *Digital technologies, legal risks and the problem of their minimization* // *Current problems of Russian law*. 2021. № 16 (9). Pp. 11-20.
7. Tulikov A.V. *Information security and human rights in conditions of post-industrial development: theoretical and legal analysis: dis. ... candidate of legal sciences*. – М., 2017. – 180 p.
8. Talapina E.V. *The right to informational self-determination: on the verge of public and private* // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Т. 15. № 5. Pp. 24 – 43.

Информация об авторе:

Самушкин Никита Денисович аспирант кафедры теории государства и права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: NDSamushkin@msal.ru
Nikita D. Samushkin, Postgraduate student of the Department of Theory of State and Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA).